

Суриков В.И. - детство и юность в Сибири

Василий Иванович Суриков родился в сибирском городе Красноярске 12 января 1848 года. Его семья принадлежала к старинному казачьему роду, который, по преданию, пришел в Сибирь вместе с Ермаком. До 22-х лет Суриков жил в среде казаков, ссыльных раскольников, политических ссыльных. С ранних лет художник жил суровой жизнью сибиряка. Отец художника Иван Васильевич Суриков был казачьим сотником, служил губернским регистратором в красноярском земском суде. Мать Прасковья Федоровна, урожденная Торгошина, происходила из семьи заенисейских торговых казаков, которые возили чай с китайской границы. Семья была культурной. В семье Суриковых любили книги, выписывали «Современник». Отец любил музыку, сам хорошо пел, один из дядей писал масляными красками, мать, отличная вышивальщица, славилась умением подбирать «тени» шелков. Рисовать Суриков начал с раннего детства.

Суриков гордился своим происхождением и писал об этом: «Со всех сторон я природный казак... Мое казачество более чем 200-летнее». Истоком формирования понятий художника о красоте была Сибирь, с суровостью, подчас жестокостью нравов, с мужеством людей, удалью народных игр, с «древней русской красотой» девичьих лиц, с величественной природой, живым дыханием истории. «Идеалы исторических типов воспитала во мне Сибирь с детства», — вспоминал он. К раннему детству восходят и первые попытки Сурикова рисовать.

О детстве Сурикова (равно как и об истории создания его знаменитых полотен) мы знаем в основном со слов поэта М. Волошина. В 1913 году, незадолго до смерти живописца, Волошин, собирая материалы для заказанной ему И. Грабарем монографии о Сурикове, часто встречался и разговаривал с предполагаемым героем своей будущей книги; записи этих бесед доносят до нас живой голос художника. «Жесткая жизнь в Сибири была. Совсем XVII век», — вспоминал Суриков.

«Целыми днями пропадал я с ватагой сверстников то в поемных лугах, где паслись казачьи табуны, то в тайге в поисках ягод и грибов, вспоминал он. — Был я смелым и ловким мальчиком... Лет девяти уже умел поймать коня, взнудать его и взобраться ему на спину, а потом и носишься на нем, бывало, наперегонки с другими ребятами, пока не надоест это своевольному коню и не сбросит он меня неожиданно куда-нибудь в траву.

Бывала иногда опасность и посерьезнее. Раз, помню, забрались мы в тайгу; в самую глушь. Ягоды собирали. Вдруг, хрустит что-то. Смотрим, а из-за деревьев медведь идет. Ну, разумеется, лукошки побросали и — наутек. Прямо к речке. Уж не помню, как с обрыва скатились. Перебрались на другую сторону и притаились в кустах, спрятались, дух перевести не можем. А медведь тоже подошел к обрыву и начал спускаться к воде. Мы, разумеется, опять бежать, но вот, подите же, успел я все-таки заметить, как смешно медведь с обрыва съезжал: сел на сад, вытянул передние лапы, скорчился и поехал по песчаному откосу вниз. Как сейчас его фигуру вижу.

Должно быть, тогда уже проявилась ко мне склонность многое заметить и запомнить взглядом. И всю жизнь потом было так. Увижу что-нибудь, поразившее внимание, сразу ярко замечу во всех подробностях и потом стоит только припомнить, и оно, как живое, перед глазами».

Но самое главное, что в период пребывания в Сухом Бузуме Суриков еще более увлекся рисованием, пытаюсь запечатлеть многое из того, что его окружало.

«В детстве я все лошадок рисовал, как все мальчика. Только ноги у меня не выходили. А у нас в Бузуме был работник Семен, простой мужик. Он меня научил ноги: рисовать. Он их начал мне по суставам рисовать. Вижу, гнутся у коней - ноги. А у меня никак не выходили»

«Однажды я был на волосок от гибели. Ссора с казаками перешла в настоящее сражение, и победа, увы, осталась не за нами. Наши дрогнули и бросились врассыпную, кто куда поспел. Я очутился в узком и темном переулке. Казаки, очевидно, заметили меня, и человек пять—шесть бросились за мною. Что тут делать? Бегу так, что дух захватывает. Вижу: переулок заворачивает вправо и вдруг — приотворенная калитка. Мигом шмыг во двор, беззвучно запер калитку и стою ни жив, ни мертв, навалившись на щеколду; две — три секунды — и уже слышу топот преследователей. Неужели заметили и сейчас ворвутся? - пронесится в голове, но еще момент, и я слышу, как толпа, тяжело дыша и топоча ногами, пронесится мимо. А в голове опять мысль: вот так же, вероятно, Артамон Матвеев, притаившись, стоял и слушал, как бежали мимо двери стрельцы, и, сам не замечая того, я задумываюсь над тем, какое удивительное жуткое настроение создает этот топот мимо бегущей невидимой толпы... Долго пришлось мне тогда простоять, притаившись за калиткой...»

Семья Суриковых была дружной, отличалась художественными интересами, но после смерти отца живописца оказалась в тяжелом материальном положении. Верхний этаж своего дома Прасковья Федоровна сдала жильцам, а сама не чуралась случайного заработка — благо, была она мастерицей на все руки. Спустя три года после окончания (в 1861 году) Красноярского уездного училища юный Суриков поступил на службу — канцеляристом в губернское управление.

В это время он уже знал, что будет художником. Ему повезло с первым наставником — учителем рисования Красноярского уездного училища Н.В. Гребнев, распознав в подростке великие способности, мягко, но настойчиво подталкивал его в нужном направлении.

... Николай Васильевич Гребнев — первый учитель В.И. Сурикова. Н.В. Гребнев был профессионально хорошо подготовленный художник и талантливый педагог. Он учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества вместе с А.К. Саврасовым, В.В. Пукиревым, Н.В. Невревым— выдающимися русскими живописцами. Училище Гребнев окончил по классу портретно-исторической живописи в марте 1856 года. За женский поясной портрет был удостоен Академией звания свободного художника.

Н.В. Гребнев приехал в Красноярск в конце 1856 года и прожил здесь до 1863 года. Он преподавал рисование в городском училище, где и свела его судьба с В.И. Суриковым, учившимся здесь с 1856 по 1862 год.

Гребнев сразу же угадал яркий талант Сурикова и опекал мальчика вплоть до своего отъезда в Иркутск, оказав большое влияние на развитие его художественного дарования.

Получив приглашение на должность преподавателя и надзирателя двух учебных заведений, Гребнев переехал в Иркутск, так как Красноярское училище не смогло обеспечить удовлетворительную зарплату художнику, имевшему семью. Брать же заказы на писание икон ему не позволяла профессиональная совесть.

В.И. Суриков всегда отзывался о своем первом учителе с большой теплотой: «Когда я в Красноярском училище учился, там учитель рисования был — Гребнев. Он меня учил рисовать, чуть не плакал надо мною. О Брюллове мне рассказывал. Об Айвазовском, как тот воду пишет, что совсем как живая».

Гребнев отдавал способному ученику все свое свободное время, знания и силы. В воскресные дни вдвоем уходили писать этюды за город.

«Гребнев, — продолжает Суриков, — брал меня с собой и акварельными красками заставлял с верху холма город рисовать. Мне одиннадцать лет тогда было. Приносил гравюры, чтобы я с оригиналов рисовал: «Благовещение» Боровиковского, «Ангел молитвы» Неффа, рисунки Рафаэля, Тициана».

Глубоко запали в душу Сурикова слова, сказанные Гребневым перед отъездом в Иркутск, — развивать свой талант, ехать в Академию.

... Красноярские «власти» не оставили незамеченным талант своего молодого земляка и приняли живое участие в его судьбе. Это были губернатор П.Н. Замятин и городской голова, золотопромышленник П.И. Кузнецов, поддержавший губернатора в хлопотах по устройству Сурикова в Академию художеств.

Сибирские купцы той поры, имена которых помнят до сих пор, отличались широтой своей культуртрегерской деятельности, не жалели денег на культурную и образовательную работу. Таким был, в частности, золотопромышленник и коллекционер П. Кузнецов, взявший на себя расходы по содержанию Сурикова в столице на все время обучения в Академии.

П.И. Кузнецов и помог молодому Сурикову уехать в Петербург с рыбным обозом.

... 11 декабря 1868 года Кузнецов отправлял в Петербург свой обоз с товарами и продуктами.

Ночь накануне выдалась морозная. Все замечено было снегом.

Во дворе у Суриковых стояли перед крыльцом два больших крытых возка. В первом должен был ехать в Петербург для лечения один из инженеров

Кузнецова — А.Ф. Хейн, а в другом — Суриков и Митя Лавров, направлявшийся на учебу в Троице-Сергиевскую школу иконописи.

Уже начинало светать...

В доме шли последние приготовления к отъезду. Вася украдкой посматривал на мать, хлопотавшую над корзинкой со съестными припасами, шутил с младшим братишкой и разговаривал с дядей Гаврилой, приехавшим из Торгошина на проводы племянника. Тяжело было юноше расставаться с матерью и братом. Хотелось как-то утешить их, успокоить, но не находилось слов, да и не помогли бы здесь слова.

Миновали последние минуты перед отъездом. Распахнулись ворота, и лошади дружно рванули возок, мигом вынеся его на пустую, занесенную снегом улицу. Выглянув из возка, Вася еще раз увидел мать, которая, закутавшись в теплую шаль, стояла у ворот. «Так и помню улицу, и мать темной фигурой у ворот стоит», — вспоминал он позже.

Через Ачинск и Мариинск Суриков и его спутники прибыли в Томск. Здесь пробыли два дня, и Суриков сумел написать письмо домой:

«Милые мамаша и Саша! — писал он. — Вчера, 14-го числа, я приехал с Лавровым в Томск, и остановились в великолепной гостинице. Ехали мы очень хорошо и без всяких приключений и не мерзли, потому что в первые дни холод был не очень сильный, и я укутывался вместе с Лавровым дохою и кочмами, а приехавши в город Мариинск, мы купили с ним еще доху, в которой я теперь еду до самого Питера... Сегодня катались по Томску, были в церкви и видели очень много хорошего, Томск мне очень нравится. Завтра выезжаем отсюда. Кошева у нас большая, и едем на тройке и четверке...»

Миновав далее Болотное, Колывань, Барабинскую степь, на двадцатый день путешественники достигли Екатеринбурга, являвшегося в ту пору промышленным и торговым центром Урала. Здесь произошла неожиданная задержка: инженер Хейн заболел, и Суриков с Лавровым должны были прожить в Екатеринбурге почти целый месяц.

Задержка на столь продолжительное время в Екатеринбурге сильно сказалась на материальных средствах Сурикова и Лаврова: почти все свои сбережения они истратили. Тем не менее, путешествие продолжалось.

Через Казань, где была сделана остановка на три дня, Суриков и его спутники двинулись к Нижнему Новгороду. В Казани Суриков осматривал древние исторические постройки.

«В Нижнем Новгороде тоже жили дней пять, и там тоже смотрел все, что заслуживает внимания... Оттуда мы ехали до Москвы по железной дороге, и я с Лавровым сидел в вагоне второго класса. Сильно бежит поезд, только ужасно стучит, как будто бы громадный какой конь... Из окон вагона все

видно мелькающим...» — писал Суриков в одном из дорожных писем. Вскоре добрались и до Москвы.

Используя трехдневную остановку в Москве, где остался Митя Лавров, Суриков с интересом осматривал достопримечательности: «Был в Кремле у Ивана Великого и всходил на эту колокольню; оттуда всю Москву как на ладони видно. Видел и царь-колокол и царь-пушку... видел Красные ворота, Спасские, где шапку нужно снимать, памятник Минину и Пожарскому на Красной площади, ходил в Успенский собор...» — сообщал он брату и матери.

Наконец, в сырой пасмурный день, 19 февраля 1869 года, Суриков и его спутник Хейн прибыли в Петербург. Длинный путь из Азии в Европу был проделан за 68 дорожных дней. А уже 23 февраля, на пятый день своего пребывания в столице, Суриков, заботливый сын и брат, писал:

«Вот четыре дня как я в Петербурге и смотрю на его веселую жизнь. Теперь идет масленица, и народ просто дурит. Мы остановились с А.Ф. Хейном на Невском проспекте, в гостинице «Москва». Из окон ее видно все. Народ и в будни и в праздники одинаково движется. Я несколько раз гулял и катался по Невскому. Как только я приехал, то на другой день отправился осматривать все замечательное нашей великолепной столицы. Был в Эрмитаже и видел все знаменитые картины, потом был в Исаакиевском соборе и слышал певчих митрополита. Собор этот весь из разноцветных мраморов. Кумпол вызолоченный. Внутри колонны тоже мраморные и карнизы вызолоченные. Один недостаток в этом соборе — что в нем весьма темно, так как все окна заслонены громадными колоннами. В приделах очень светло, потому что колонн нет. Вид собора снаружи не поражает издали громадностью, но когдаходишь к нему, то он будто бы все кверху растет, и уже не можешь более охватить всего взглядом. Со всех четырех сторон собора колонны и крыльца, но восходят в собор по одному крыльцу, со стороны памятника Николаю I, который стоит против собора, а по другую сторону собора есть конная статуя Петра I, изображенного на лошади, которая скачет на скале. Тут начинается Адмиралтейская площадь ...Много я очень видел хорошего в Петербурге, всего не перескажешь.

... Я здоров. Каково Саша учится? Напишите поскорее, мамаша».

Так радостно и жадно впитывал в себя необычные, новые для него впечатления молодой сибиряк, приехавший из далекого сибирского захолустья, чтобы вступить в новую полосу своей жизни...

К экзаменам в Академию Суриков оказался недостаточно подготовленным. Он поступил в школу Общества поощрения художеств к М.В. Дьяконову и за три летних месяца освоил трехгодичный курс. 28 августа 1869 года Суриков успешно сдал экзамены в Академию художеств, его приняли вольнослушателем и зачислили в головной класс.